

УДК 581.9(574)

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПРОФЕССОРА А.А. ЛЮБИЩЕВА

© 2010 С.М. Ляхов*

Занимаясь осенью 1971 г. статистической обработкой своих многолетних материалов по бентосу Куйбышевского водохранилища, я увидел необходимость посоветоваться с А.А. Любичевым – большим знатоком в вопросах математики, автором интересной статьи «Об ошибках в применении математики в биологии», напечатанной незадолго перед этим в журнале «Общая биология». Я списался с ним, и он охотно согласился принять меня у него дома в Ульяновске; в феврале 1972 г. я приехал к нему.

Быстро поняв, в чем мои затруднения, А.А. дал мне нужные советы, а затем мы очень долго и интересно говорили на самые разнообразные темы. Он и его супруга Ольга Петровна тепло приняли меня. Много рассказов было о большом труде А.А. под общим заглавием «Монополия акад. Лысенко в биологической науке», предпринятом им в 50-е годы. Ольга Петровна в течение многих лет являлась образцовым секретарем А.А. Она дала мне с собой сведенные в солидный том разнообразные материалы, связанные с работой А.А. над статьями о Лысенко, носящий общее заглавие «Совесь ученого, или «на-

до» или «не надо»». А.А. подарил мне несколько своих оттисков, дал на дорогу свою «Дадонологию» – изложенное в пародийном стиле и напечатанное в одном из литературоведческих сборников сочинение о том, куда отправился пушкинский царь Дадон за Шамаханской царицей, свидетельствующее о глубоких знаниях А.А. истории нашего «ближнего востока».

Николай Андреевич Дзюбан, директор Куйбышевской биостанции Института биологии внутренних вод АН СССР, вернувшись весной из отпуска, с большим интересом выслушал мой рассказ о знакомстве с А.А.. Было решено летом предложить ему с супругой проехать по Куйбышевскому водохранилищу на нашем экспедиционном судне «Наука» и погостить на биостанции.

* Печатается по рукописи (машинопись) С.М. Ляхова, хранящейся в фондах в Экологического музея Института экологии Волжского бассейна РАН. Подготовка к печати Т.В. Паюсовой и С.В. Саксоновым.

В майском рейсе на «Науке» по пути вверх по Волге я зашел к Любищевым. А.А. был в Ленинграде, из его писем О.П. знала, что поездка туда проходит очень плодотворно. Он прочел около десятка лекций и докладов в разных научных учреждениях, в том числе у физиков и математиков, и пользовался большим успехом.

Летом окончательно списались о том, что Любищевы приедут в Тольятти в августе.

В августовском рейсе я опять был у Любищевых дома. Меня беспокоило, не будут ли условия пребывания на «Науке» тяжелы для достаточно престарелых людей – ему 82 года, а ей – 75 лет. Кроме того, после перелома несколько лет тому назад шейки бедра, А.А. постоянно при ходьбе пользовался костылями. Я хотел предварительно показать им «Науку», чтобы получить их окончательное согласие. А.А. от этого категорически отказался. Он сказал, что примерно представляет себе, что такое «Наука», и считает ее вполне пригодной для путешествия от Ульяновска до Тольятти. Одновременно он напрямик задал мне вопрос: «Что Вы хотите от меня?» Я ответил, что мы будем очень рады, если он выступит у нас на станции с несколькими лекциями.

На обратном пути мы были в Ульяновске во вторник 8 августа во второй половине дня. Пока «Наука» заправлялась топливом и питьевой водой, я поехал в город и, не без труда поймав такси, привез Любищевых в речной порт, где пришвартовавшись к стенке, стояла «Наука». У них было довольно много багажа – А.А. собирался поработать у нас в Тольятти, взял книги, материалы. Признаюсь откровенно, у меня слегка екнуло сердце, когда я выводил их из дома на такси, таких стареньких и дряхлых. А.А. поместился в носовом «мужском» кубрик, О.П. – на крайнем нижнем месте в «женском».

Путешествие на «Науке» в течение двух с половиной суток было очень приятным. «Наука» шла с «работой», выполняя обычное рейсовое задание. Погода стояла жаркая, как вообще это лето в Поволжье. Любищевы легко приспособились к некоторым неудобствам пребывания на небольшом экспедиционном судне. Питание из общего котла при их скромности и непритязательности вполне их устраивало. Экспедицию от Чебоксар сопровождал руководитель одного нашего аспиранта-заочника, профессор МГУ Ф.Р. Зайдельман. Завязывались общие разговоры, А.А. много и интересно, со свойственным ему юмором рассказывал из своей жизни. От поездки по Волге он был в восторге.

Утром 11 августа «Наука» пришвартовалась в Тольяттинском речном порту. О ее приходе было известно по радиосвязи, поэтому в порту нас встречала стационарная автомашина. Сразу же Любищевых отвезли в приготовленную для них квартиру, которая находилась в принадлежащем Биостанции коттедже, расположенном на краю поселка ИТР, рядом с сосновым бором и неподалеку от Куйбышевского водохранилища. Я заехал туда через несколько часов и был восхищен тем, что А.А. уже сидел за столом и работал.

Н.А. Дзюбан в этот и последующие несколько дней был нездоров, поэтому с организацией выступлений А.А. перед коллективом станции получилась некоторая заминка. Это очень беспокоило А.А., он несколько раз настойчиво предлагал решить мне этот вопрос, но я откладывал его до выздоровления Н.А.. А.А. много читал, что-то писал. Я доставил ему портативную пишущую машинку.

Наконец, в среду 16 августа Н.А. Вышел на работу после болезни и сразу же с утра отправился к А.А. Они тут впервые познакомились, долго и хорошо поговорили. Был намечен небольшой цикл лекций А.А., по общим вопросам биологии и

теории эволюции, а также относительно применения математики в биологических исследованиях. Лекции планировались ежедневно в конце рабочего дня, ближайшая из них на следующий день. Кроме того А.А. предложил попытаться обработать математическими методами достаточно обширные материалы, имеющиеся у кого-либо из сотрудников Биостанции. Охотно пошел на это микробиолог А.В. Иватин, передавший А.А. свои многолетние материалы по прямому счету бактериопланктона в Куйбышевском водохранилище.

Первая и, увы!, последняя лекция А.А. в коллективе биостанции состоялась во второй половине дня 17 августа. Она была посвящена применению математики в экологических исследованиях. На конкретных примерах А.А. показал, какое это имеет значение для биологов, рассмотрел возможные ошибки и заблуждения, возникающие при не критическом отношении к цифровому материалу. Было задано много вопросов, лекция имела успех. В этот вечер А.А. долго сидел за обработкой материалов А.В. Иватина.

Утром пришло известие о том, что ночью А.А. было плохо. Вызвали неотложную помощь. Приглашенный утром врач заподозрил пищевую интоксикацию, посоветовал госпитализировать А.А.; его беспокоило сердце больного. В середине дня А.А. Был перевезен в одно из терапевтических отделений 2-ой городской больницы г. Тольятти и помещен в отдельную палату. Ему была оказана необходимая врачебная помощь. Состояние А.А. было тяжелым. Врачи предположили кишечную непроходимость, были близки к тому, чтобы оперировать, но эта необходимость затем отпала.

В последующие дни состояние продолжало оставаться тревожным. Врачи заметили серьезные нарушения в анализах крови, в частности низкое содержание гемоглобина. Больной жаловался на боли в области живота, отсутствие аппетита, общее тяжелое состояние. Держалась несколько повышенная температура. Мы с Н.А. ежедневно навещали А.А., поездки в больницу О.П. осуществить было трудно.

Во вторник 22 августа мы поставили в известность о болезни А.А. его близких в Ленинграде. Его дочь Евгения Александровна Равдель сразу же поняла необходимость приезда в Тольятти, но в конце летнего отпускного сезона это было непросто. С большими хлопотами она прилетела на самолете в ночь на 25 августа и утром была в Тольятти. Днем в этот день мы с ней были у А.А. Приезд дочери обрадовал его. Они были очень дружны между собой, им было свойственно хорошее доброе взаимопонимание. А.А. взбодрился. Вместе с тем Е.А. отметила большие в нем перемены: вместо всегда присущего ему стоицизма и оптимизма она отметила плаксивость, необычные для него жалобы на плохое состояние, капризы по поводу еды и т.п.

В последующие дни состояние больного менялось. То ему было лучше, и он становился достаточно бодрым, даже гулял по отделению, то вновь наступало ухудшение. В один из этих дней А.А. навестила О.П. Врачи предположили, что у А.А. рак желудка с метастазами в печень и сообщили об этом Е.А.

Уступая настойчивому желанию А.А. Врачи склонялись к тому, чтобы отпустить его в сопровождении близких домой в Ульяновск. Это решение было окончательно принято 31 августа. В этот день Е.А. и мы с Н.А. как всегда навестили А.А. Он держался бодро, сидел на своей кровати, шутил, смеялся. Шел непринужденный разговор на разнообразные темы, вспоминали старинные оперетки. Из боль-

ницы мы с Н.А. отправились в речной порт, чтобы забронировать места до Ульяновска для А.А. и сопровождавших его О. П. и Е.А. на утренний «Метеор».

Когда мы вернулись на Биостанцию и обсуждали детали завтрашних дел, в 16.30 меня позвали к телефону, и лечащий врач сообщила мне о том, что несколько минут назад А.А. скончался. За четверть часа до этого он пожаловался на тяжелую боль в сердце и потерял сознание. Были приняты все необходимые меры, но, не приходя в сознание, он умер от сердечной недостаточности. Как выяснилось позднее на вскрытии, А.А. страдал острым панкреатитом на фоне раковой опухоли.

Тот час же мы пригласили на Биостанцию дочь А.А. Она была поражена этим известием, но приняла его твердо, почти ни на минуту не потеряв самообладания. На наш вопрос о том, где хоронить А.А., она ответила что в Ленинграде на Волковом кладбище есть фамильный склеп Любищевых, где похоронены его отец и другие близкие, но она, безусловно понимает, что из-за технических и юридических сложностей о транспортировке тела в Ленинград не может быть и речи.

У Н.А. были неотложные дела, поэтому принести скорбную весть О.П. выпало на мою долю. Я был очень озабочен этим, боялся за ее здоровье. Я знал, что она страдает хронической гипертонией, у нее уже был один криз. Тягостное известие потрясло ее, в течение нескольких минут было состояние отчаяния, но потом она овладела собой. Я спросил: «Каковы ее пожелания в отношении похорон?» Она сказала, что не хочет везти тело А.А. в Ульяновск и хоронить его там. Новое кладбище в Ульяновске находится в 30 км от города, все равно там она не сможет бывать на его могиле. «Ульяновск не дал ему счастья» – сказала она. Ее слово было для нас решающим. Раз так, значит, свой долг по отношению к А.А. мы должны выполнить до конца.

Перезахоронение праха А.А. Любищева на территории Института экологии Волжского бассейна РАН

**Современный вид могилы А.А. Любищева
(фото С.В. Саксонова)**

По просьбе О.П. и Е.А. я дал после этого телеграммы близким в Ленинград, сыну А.А. – в Минск, друзьям в Ульяновск.

С утра следующего дня начались хлопоты по организации похорон. Это было непросто, потому что людей на биостанции было мало. Шли экспедиции, кое-кто находился в отпусках. Все были наперечет, и каждый получил четкое задание.

К концу дня начали поступать траурные телеграммы, на следующий день они пошли потоком. Это было похоже на цепную реакцию, потому что кроме Ленинграда и Ульяновска телеграммы шли из Москвы, Новосибирска, Фрунзе из других городов. У меня нет их перечня, по памяти я назову лишь некоторых лиц: Близкий друг А.А. чл.-корр П.Г. Светлов, акад. Б.Е. Быховский, акад. В.Л. Астауров, чл.-корр Д.К. Беляев с сотрудниками, чл.-корр. АА. Ляпунов, очень взволнованная телеграмма от Р.Л. Берг, много, очень много незнакомых мне имен.

Вечером в этот день приехали ученики А.А. по Ульяновскому педагогическому институту доценты Р.В. Наумов и В.С. Шустов, на другой день рано утром – их супруги, обе филологи, преподаватели пединститута. Ночью прилетел из Минска сын А.А. Святослав Александрович, а из Ленинграда, с колоссальными трудностями, умолив экипаж самолета взять его чуть ли не в багажном ящике, – молодой доктор математики Р.И. Баранцев. Он знал и чтит А.А. по его выступлениям в Ленинграде в апреле этого года.

Похороны состоялись в субботу 2 сентября в первой половине дня. Гроб с телом А.А. был установлен на просторном крыльце Биостанции, обращенном к Волге. Гражданскую панихиду открыл Н.А. Дзюбан. Р.В. Наумов выступил от учеников А.А., С.Р. Шустова рассказала о широчайшей эрудиции А.А. в вопросах истории, философии и литературы. Р.Г. Баранцев остановился на значении трудов А.А. для теоретической и прикладной математики. Перед открытой могилой поручено было выступить и мне.

Александр Александрович был похоронен на городском кладбище г. Тольятти, близ крайней к городу аллеи, приблизительно в 200 м по дороге от сторожки. 29 ноября 1989 г. прах А.А. Любищева был перезахоронен на территории ИЭВБ АН СССР.